

Улица Нар-Доса, 38

Этого письма не было бы, если б в сорок четвертом году меня не ранило на фронте...

Из-под Варшавы меня эвакуировали в Ереван. Здесь я впервые услышал армянское слово «джаникс», впервые, из окна госпиталя в доме № 38 по улице Нар-Доса, где до войны была школа, увидел Арарат — священную гору Армении. Осколками снарядов перебило обе мои руки, ранило в грудь и левую ногу. Положение было очень тяжелым; скованный гипсом, неподвижно лежал на койке и мало верил, что когда-нибудь встану на ноги. В госпитале день и ночь лечили мои раны, вливали армянскую кровь, кормили из рук. Врачи и медсестры порой гладили по голове и говорили: «Наш Миша, джаникс, потерпи еще немного, все будет в порядке...» И я узнал, какое это хорошее и теплое слово — «джаникс».

Когда выздоровел и стали меня готовить к отъезду, начальник госпиталя Мамикон Павлович Погосян сказал:

— Миша, джаникс, я тебя одену, как родного сына, по-жениховски...

И он отправил меня на склад, чтобы я сам выбрал любую форму, какая мне понравится. Обрадовался я этому как ребенок. В первую очередь взял себе «морскую душу», тельняшку то есть, потому что с моряками мне приходилось идти в бой, одел гимнастерку, брюки галифе, сапоги, белую красивую кубанку — в память о кавалеристах, с которыми тоже выполнял боевые задания. В те трудные времена мало кто мог щегольнуть такой одеждой. И вот представьте: когда я зашел в палату попрощаться, друзья не узнали меня!..

Наконец-то вернулся домой. Мои мама и отец тоже не сразу меня при-

знали. Мама все обнимала и плакала.

— Миша, сынок, — вдруг говорит, — кто же тебя так одел?

А я ей:

— Одели меня армяне, в Ереване.

— Дай бог им здоровья и счастья! — от сердца сказала мама.

Вот так я узнал и полюбил армян и Армению. Не забываю и сейчас.

В 1945 году я поступил в Московское художественно-промышленное училище, бывшее Строгановское. Закончил учебу и работаю с тех пор в Москве, являюсь членом Союза художников СССР.

В 1965 году, когда вся наша страна отмечала двадцатилетие великой Победы, мне захотелось поздравить с этим светлым праздником и тех, кто работал в годы войны в тылу, в госпиталях. Написал письмо в одну из ереванских газет и попросил передать мой поклон бывшим врачам, медсестрам, санитаркам, всем другим сотрудникам нашего госпиталя по улице Нар-Доса, где вылечили, вернули к жизни многих раненых фронтовиков, в том числе и меня. Сотрудники нашего госпиталя прочли письмо в газете и пригласили меня приехать в Ереван. С радостным волнением ехал я в город, где обрел вторую жизнь. Встретили меня наши бывшие врачи и медсестры. То были незабываемые дни, мы вспоминали войну, свою трудную и славную молодость. Посетили ереванскую среднюю школу № 33 имени Микаэла Налбандяна, где располагался наш госпиталь, была устроена встреча с учителями и школьниками, а возвратившись в Москву, я решил сделать школе подарок. Посоветовался с моим старшим товарищем Иваном Акимовичем Лычевым, активным участником восстания на броненосце «Потемкин», членом ленинской партии с 1904 года,

и решил — сделаю мозаичный портрет основателя нашего государства В. И. Ленина. В дни празднования 50-летия Советской Армении выполненный мной портрет Владимира Ильича был в торжественной обстановке, в присутствии бывших сотрудников госпиталя, установлен в школе имени Налбандяна...

Меня все больше и больше интересовало все, что связано с Арменией, армянским народом. Много я узнавал из книг, бесед с друзьями и знакомыми. Так, открытием для меня стало, что всемирно известный кинофильм Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин» создан по сценарию писательницы-армянки Нины Федоровны Агаджановой (Шутко)...

Потрясен я был балетом «Спартак» на сцене Большого театра. И что за грандиозная музыка! Придя домой, я никак не мог справиться с волнением, и как-то само собой получилось, что написал письмо Араму Ильичу Хачатуряну. Хотелось сказать ему, что я, рядовой зритель, безмерно восхищен его музыкой, зовущей к добру и свету, борьбе за справедливость. Я, конечно, и думать не смел, что получу ответ. Но вот оно, письмо от Арама Ильича, написанное 24 марта 1976 года.

«Уважаемый Михаил Федотович!

Пишет Вам композитор Хачатурян Арам Ильич. Ваше милое и доброе письмо я получил в загородной больнице в Кунцево, где я нахожусь сейчас. На днях мне будут делать операцию... Ваше письмо подняло мне настроение, а это сейчас очень важно для меня. Как горячо и верно почувствовали Вы мой балет «Спартак». Приятно, что Вам понравились все компоненты спектакля. Прекрасно танцуют и играют, и великолепно звучит оркестр — этот непревзойденный музыкальный коллектив. Благодарю Вас от себя и от всех участников спектакля...»

Для меня это письмо было счастьем... Получилось так, что я тоже заболел, дали о себе знать фронтовые раны. И вдруг в больнице получаю второе письмо от Арама Ильича. Не могу передать чувства, меня охватившие!

И вот я задумал подарить ереванской школе еще одну работу — портрет А. И. Хачатуряна. Портрет я выполнил

в рельефе, из белого гипса. Хачатурян и Армения неотделимы, вот почему я изобразил композитора на фоне его родной земли, его родного Арарата и Эчмиадзина. Под портретом слова Арама Ильича: «Национальные корни не исчезнут ни в каком будущем, каким бы ни было оно далеким. Национальные корни это понятие очень широкое: это дух, стилистика, всесторонний охват действительности... И я уверен, что национальные основы искусства сохранятся при коммунизме. И на этой именно основе человечество будет еще больше любить и понимать в музыке всю свою сложность и неповторимость. И свою общность. Свое родство и братство».

Другая моя работа на армянскую тему — это портрет выдающегося революционера-демократа Микаэла Налбандяна, имя которого носит дорогая мне школа по улице Нар-Доса. Это имя я впервые услышал в нашем госпитале и, когда мои дела пошли на поправку, стал интересоваться — кто же он, Микаэл Налбандян? Меня поразили отвага, ум и сердце этого человека. Трудно мне было найти фотографии Микаэла Налбандяна — в этом поиске мне помогли ереванские друзья, — но еще труднее было, конечно, выполнить сам портрет. Я долго думал и решил изобразить Налбандяна на фоне Государственного флага Советской Армении, той свободной Армении, о которой мечтал великий революционер. А когда портрет был уже завершен, в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Карэна Симоняна «Микаэл Налбандян», где автор называет Налбандяна первым армянским Гражданином.

Прошло время, и вот в феврале прошлого года я вновь побывал в Ереване. Уже в аэропорту меня встретили как давнишнего друга учителя налбандяновской школы. В большом школьном зале они организовали встречу, посвященную подвигу нашего народа в Великой Отечественной войне. Как хорошо армянские дети говорят по-русски! Какие прекрасные стихи читают! И особенно мне понравилось, что мальчики и девочки школьного хора были в национальной армянской одежде.

Глядя на детей, слушая их стихи, песни, я думал, что ради всего этого стоило воевать, стоит жить и трудиться.

Мне бы хотелось, чтобы ереванцы, которые работали в нашем госпитале по улице Нар-Доса, знали о портретах, подаренных мной школе имени Налбандяна, ведь сделаны они и от их имени, руками, которые они вылечили. Я обращаюсь к моим незабываемым, ласковым, дорогим медсестрам, которых мы, раненые, по-братски называли сестричками. Свято помню их имена — Вартуш, Роза, Араксия, санитарка Парандзем. С Вартуш и Розой я виделся, когда приезжал в Ереван. А вот Араксию и

Парандзем не пришлось... Тяжело мне было узнать, что нет больше среди нас начальника госпиталя Мамикона Павловича Погосяна и врача Джульетты Арамовны Акопян, заслуженных врачей республики, награжденных орденами Ленина...

Поклон всем ереванцам, выходившим в годы войны тысячи раненых солдат и офицеров, поклон доброму дому по улице Нар-Доса.

МИХАИЛ ФЕДОТОВ
Москва